

Коллизия между юридической формой и экономическим содержанием договора и способы ее разрешения на примере договора выкупного лизинга

Аннотация. В статье обосновывается, что причиной коллизии между юридической формой и экономическим содержанием договора является несоответствие реальных хозяйственных целей сторон конкретного договора тем целям, которые имел в виду законодатель при построении юридической конструкции соответствующего договора, например лизинговый платеж в договоре выкупного лизинга включает из себя не только плату за пользование имуществом, как это должно быть при аренде, но и выкупную стоимость имущества. Автор выделяет и анализирует три способа разрешения указанной коллизии: перекалфикация договора в целом или его отдельных условий по правилам о притворных сделках, прямое применение общеправового принципа справедливости и приоритет выявления действительной общей воли сторон над буквальным толкованием договора. Обосновывается, что стороны договора вправе использовать те или иные договорные конструкции для достижения нехарактерных экономических целей, если такие цели не являются противоправными.

Ключевые слова: коллизия; договор выкупного лизинга; притворная сделка; принцип справедливости; толкование договора; буквальное толкование; воля; форма и содержание; эквивалентность; расторжение договора; судебная практика.

Для цитирования: Федотов Д. В. Коллизия между юридической формой и экономическим содержанием договора и способы ее разрешения на примере договора выкупного лизинга // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 6. — С. 102–113. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.102-113.

The Conflict between the Legal Form and the Economic Content of the Contract and Methods of its Resolution on the Example of a Buyout Lease Agreement

Dmitriy V. Fedotov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law, Ural State Law University
ul. Komsomolskaya, d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137
jursila@rambler.ru

Abstract. The paper substantiates that the reason for the collision between the legal form and the economic content of the contract is the discrepancy between the real economic goals of the parties to a particular contract and the goals that the legislator had in mind when constructing the legal structure of the corresponding contract,

© Федотов Д. В., 2021

* Федотов Дмитрий Витальевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета
Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137
jursila@rambler.ru

for example, a lease payment in a buyout lease agreement includes not only payment for the use of the property, as it should be for the lease, but also the redemption value of the property. The author identifies and analyzes three ways to resolve this conflict: re-qualification of the contract as a whole or its individual conditions according to the rules on sham transactions, direct application of the general legal principle of justice and the priority of revealing the actual common will of the parties over the literal interpretation of the contract. It is substantiated that the parties to the contract have the right to use certain contractual structures to achieve uncharacteristic economic goals, if such goals are not illegal.

Keywords: collision; buyout lease agreement; a sham deal; the principle of justice; interpretation of the contract; literal interpretation; will; form and content; equivalence; termination of an agreement; arbitrage practice.

Cite as: Fedotov DV. Kolliziya mezhdru yuridicheskoy formoy i ekonomicheskim soderzhaniem dogovora i sposoby ee razresheniya na primere dogovora vykupnogo lizinga [The Conflict between the Legal Form and the Economic Content of the Contract and Methods of its Resolution on the Example of a Buyout Lease Agreement]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(6):102-113. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.102-113. (In Russ., abstract in Eng.).

Споры о юридической природе договора лизинга ведутся в юридической науке давно. Существует позиция, основанная на формально-догматическом толковании положений действующего ГК РФ, в соответствии с которой договор лизинга — это разновидность договора аренды в силу прямого указания Кодекса. Так, В. В. Витрянский утверждает, что «для правильного определения правовой природы договора лизинга необходимо прежде всего избавиться от взгляда на лизинг как на экономико-правовую категорию... Конечно же, экономическая сущность имущественных отношений, являющихся предметом правового регулирования, должна учитываться и, более того, предопределять содержание соответствующих правовых норм, но само правовое регулирование должно строиться по собственным правилам»¹. Вторая точка зрения основывается преимущественно на анализе экономических аспектов лизинга, которые не соответствуют тем, которые присущи

«классической» аренде². Специфическая, «не арендная» сущность лизинга подчеркивалась и Конституционным Судом РФ: в одном из постановлений Суд отметил, что «лизинговая деятельность — это вид инвестиционной деятельности по приобретению имущества (предмета лизинга) и передаче его в лизинг: лизингодатель при помощи финансовых средств (в том числе бюджетных) оказывает лизингополучателю своего рода финансовую услугу, приобретая имущество в свою собственность и передавая его во владение и пользование лизингополучателю (ст. 11 Закона о лизинге), а стоимость этого имущества возмещая за счет периодических лизинговых платежей, образующих его доход от инвестиционной деятельности»³.

Строго говоря, в законе нигде не сказано, что по окончании срока лизинга предмет лизинга обязательно выкупается лизингополучателем в свою собственность. В немецкой доктрине судьей В. Баль высказана позиция, в соответ-

¹ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга вторая : Договоры о передаче имущества. М. : Статут, 2000. С. 607 (автор главы — В. В. Витрянский).

² Обзор точек зрения и литературу вопроса см.: Тепкина А. В. Договор лизинга как вид аренды или обеспечительной сделки // Юрист. 2012. № 15. С. 34.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2011 № 20-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 93.4 Бюджетного кодекса Российской Федерации, части 6 статьи 5 Федерального закона “О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации” и статьи 116 Федерального закона “О федеральном бюджете на 2007 год” в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // Российская газета. 2011. № 177.

ствии с которой переход права собственности к лизингополучателю в принципе недопустим, так как это «приводит к отождествлению правовой конструкции лизинга и конструкции смешанного договора найма-продажи»⁴. Однако в российской коммерческой практике почти все договоры лизинга являются выкупными⁵, поэтому термины «договор лизинга» и «договор выкупного лизинга» стали чуть ли не синонимами. В дальнейшем в целях исследования при анализе договора лизинга будет рассматриваться именно выкупной лизинг.

Из-за указанной разницы в подходах (одни авторы ориентируются на экономическую сущность лизинга, другие — на его место в системе обязательств по ГК РФ) трудно однозначно разрешить данную дискуссию. Поэтому господствующей является компромиссная позиция: «Лизинг является разновидностью аренды, хотя зачастую он выступает юридической формой экономических отношений кредита», — указывает М. В. Бандо⁶. А. В. Егоров выделяет «арендную» и «кредитную» концепции лизинга и приходит к обоснованному выводу о том, что «теория лизинга как нетипичной аренды представляет собой попытку поместить лизинг в рамки, не отвечающие его внутренней природе»⁷.

Даже собственность лизингодателя на предмет лизинга — не совсем обычная собственность. По утверждению С. А. Громова, «право, которое получает кредитор при обеспечении его

интересов предоставлением титула собственника, время от времени именуется обеспечительной собственностью»⁸. Лизингодатель, в отличие от обычного собственника, изначально не планирует в полной мере реализовывать свои правомочия в отношении вещи, титул собственника нужен ему исключительно для целей обеспечения исполнения обязательств лизингополучателем.

В философии отмечается, что «форма — это способ выражения и существования содержания... Форма и содержание едины... Их единство выражается в том, что определенное содержание “облачается” в определенную форму»⁹. Можно говорить о коллизии юридической формы (аренда) и экономического содержания (возмездное финансирование) договора лизинга. Следует признать, что договор лизинга, пожалуй, наиболее яркий в современном гражданском праве пример несоответствия юридической формы и экономического содержания. Чтобы разобраться, в чем состоит причина данного несоответствия, следует обратиться к анализу некоторых основополагающих принципов гражданского права.

«Автономия воли и частный интерес являются столпами всего гражданского права», — отмечает С. В. Сарбаш¹⁰. Вместе с тем, как справедливо указывается в литературе, субъекты несут все правовые риски, вызванные выбором той или иной договорной конструкции или кон-

⁴ Цит. по: Егоров А. В. Лизинг: аренда или финансирование? // Вестник ВАС РФ. 2012. № 3. С. 38.

⁵ См.: Громов С. А. Коренной поворот в практике применения законодательства о лизинговой деятельности // Вестник ВАС РФ. 2011. № 11. С. 86–87; Брагинский М. И., Витрянский В. В. Указ. соч. С. 558 (автор главы — В. В. Витрянский).

⁶ Гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. 2-е изд., перераб. и доп. М., Статут, 2017. Т. 2. С. 257 (автор главы — М. В. Бандо).

⁷ Егоров А. В. Лизинг: аренда или финансирование? С. 43. См. также: Он же. Тезисы вводного доклада на круглом столе «Лизинговая операция: как распутать клубок противоречий» (2 февраля 2012 г.) // URL: https://m-logos.ru/img/Tezisi%20Egorova_02.02.12.docx (дата обращения: 28.07.2020).

⁸ Громов С. А. Обеспечительная собственность: догматический очерк на примере лизинга // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 2. С. 54.

⁹ Спиркин А. Г. Философия : учебник. 2-е изд. М. : Гардарики, 2005. С. 277.

¹⁰ Основные положения гражданского права : постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020. С. 124 (автор комментария — С. В. Сарбаш).

кретных договорных условий для регулирования их отношений¹¹. Несмотря на кажущуюся тривиальность данной мысли, на данный аспект принципа диспозитивности редко обращают внимание.

Участники гражданского оборота, руководствуясь принципами диспозитивности и свободы договора, могут прийти к желаемому хозяйственному результату, используя для целей его достижения различные договорные конструкции. Например, некое лицо желает приобрести дорогостоящий товар, но не имеет достаточно свободных денежных средств. Имеется второе лицо, готовое профинансировать его за определенное вознаграждение. Какой вид договора следует заключить указанным лицам? Первый вариант — договор купли-продажи, по условиям которого продавец приобретет по отдельному договору в свою собственность необходимое имущество, а затем передаст его в собственность покупателя. Покупатель будет оплачивать товар в рассрочку. Имущественная выгода продавца будет заключаться в разнице между суммой полученных от покупателя периодических платежей и суммой, за которую он сам приобрел данное имущество. При этом у продавца будет иметься право залога на товар до его полной оплаты в силу закона (п. 5 ст. 488 ГК РФ) или отдельного договора залога. Второй вариант — выдача целевого процентного займа под приобретение необходимого товара с обеспечением в виде залога приобретаемого имущества в пользу займодавца. Третий вариант — заключение договора лизинга соответствующего имущества. Несомненно, возможны и иные не противоречащие закону варианты. Выбор сторонами той или иной договорной конструкции, естественно, будет производиться на основе анализа достоинств и недостатков каждой из них и с учетом всех соответствующих рисков.

Именно в этом и состоит причина коллизии юридической формы и юридического содер-

жания договора: имеется некий «типичный» для данных экономических целей договор, который по тем или иным причинам кажется сторонам неудобным. Поэтому стороны пытаются использовать иной договор, изначально, по мысли законодателя, предназначенный для достижения иных хозяйственных целей. При лизинге временное владение и пользование имуществом — это не конечная хозяйственная цель заключения соответствующего договора, как оно теоретически должно быть при аренде, а сугубо вспомогательный, промежуточный этап в достижении конечной цели — приобретения имущества в собственность в рассрочку. В литературе отмечают следующие преимущества лизинга по сравнению с кредитом: во-первых, возможность оптимизации налогов¹², во-вторых, простота получения¹³. Преимущество для лизингодателя состоит в том, что предмет лизинга остается в его собственности вплоть до полной выплаты лизинговых платежей. Кроме того, вести лизинговую деятельность значительно проще, чем осуществлять банковские операции по выдаче кредитов ввиду повышенных требований, предъявляемых к банкам действующим законодательством (лицензирование, большой уставный капитал, усложненная отчетность и т.д.).

Определив причину коллизии между юридической формой и экономическим содержанием договора лизинга, рассмотрим вопрос о способах ее разрешения.

В правоприменительной практике в подобных ситуациях суды, как правило, используют такой механизм, как признание данных сделок притворными. Данный подход основывается на общепринятых представлениях о сущности притворных сделок. Еще Г. Ф. Шершеневич писал, что «в некоторых случаях содержание сделки может не соответствовать истинной воле, выражением которой является сделка. Стороны имеют в виду совершить одну сделку, но облачают

¹¹ См.: Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., стер. М. : Статут, 2013. Т. 1. С. 76 (автор главы — Е. А. Суханов).

¹² См. подробнее: *Лейба А.* Риски договора лизинга // *ЭЖ-Юрист*. 2014. № 43. С. 11 ; *Тютин Д. В.* Налоговое право : курс лекций // СПС «КонсультантПлюс», 2017.

¹³ См.: *Абдульмянов И. М.* Правовая природа договора лизинга // *Право и политика*. 2006. № 6. С. 142.

ее в форму другой, так что совершенная сделка является выражением не действительного намерения, а видимого. Такие сделки носят название притворных»¹⁴. В современной литературе используется похожее определение притворной сделки. Так, по высказыванию Ю. В. Мельниковой, «при совершении притворной сделки единая воля сторон направлена не на достижение соответствующего ей правового результата, а на создание иных правовых последствий, соответствующих сделке, которую стороны действительно имели в виду»¹⁵. Доктринальные представления о природе притворных сделок нашли свое отражение в п. 2 ст. 170 ГК РФ, содержащем следующую норму: притворная сделка, то есть сделка, которая совершена с целью прикрыть другую сделку, в том числе сделку на иных условиях, ничтожна. К сделке, которую стороны действительно имели в виду, с учетом существа и содержания сделки применяются относящиеся к ней правила.

Наиболее часто в правоприменительной практике сделки, юридическая форма которых не соответствует их экономической сущности, переqualифицируются в целях применения налогового законодательства. Здесь уместно сослаться на абз. 4 п. 77 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹⁶: «Если суд на основании оценки доказательств, представленных налоговым органом и налогоплательщиком, придет к выводу о том, что налогоплательщик для целей налогообложения не учел операции либо учел операции не в соответствии с их действительным экономическим смыслом, суд

определяет объем прав и обязанностей налогоплательщика, исходя из подлинного экономического содержания данной операции или совокупности операций в их взаимосвязи». По сути, Суд здесь применил правила о притворных сделках, хотя прямо это и не указано.

Приведем другой пример, уже из области банкротных правоотношений. При рассмотрении вопроса о включении в реестр требований кредиторов требования аффилированного с должником кредитора, основанного на гражданско-правовом договоре (например, требование о возврате займа), суды зачастую признают его притворным — прикрывающим корпоративное требование. Так, в одном из дел Верховный Суд РФ констатировал, что к корпоративным обязательствам «относятся не только такие, существование которых прямо предусмотрено корпоративным законодательством (выплата дивидендов, действительной стоимости доли и т.д.), но также и обязательства, которые, хотя формально и имеют гражданско-правовую природу, в действительности таковыми не являются (в том числе по причине того, что их возникновение и существование было бы невозможно, если бы заимодавец не участвовал в капитале должника)»¹⁷. При этом Суд сослался на норму п. 2 ст. 170 Гражданского кодекса РФ о притворных сделках. А требования учредителей (участников) должника по обязательствам, вытекающим из факта участия, не считаются требованиями конкурсных кредиторов (абз. 8 ст. 2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹⁸).

Аналогичный подход используется судами и при определении имущественных последствий досрочного расторжения договора выкупно-

¹⁴ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М. : Спарк, 1995. С. 119.

¹⁵ Мельникова Ю. В. Недействительность (ничтожность) мнимых и притворных сделок и их правовые последствия // Российский судья. 2014. № 11. С. 10.

¹⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. № 140.

¹⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.07.2017 № 308-ЭС17-1556(2) по делу № А32-19056/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

го лизинга (например, вследствие просрочки внесения лизинговых платежей). Сложность, с которой сталкиваются суды в указанном случае, заключается в следующем. В ординарном случае арендная плата — это плата за пользование имуществом. В состав лизингового платежа в договоре выкупного лизинга де-факто входит сумма кредитного финансирования, предоставленного лизингодателем лизингополучателю, а также плата за такое финансирование (с экономической точки зрения это проценты по кредиту). Однако арендная «форма» выкупного лизинга не позволяет выделить данные составные части. Как следствие, строго формально при досрочном расторжении договора выкупного лизинга, даже если лизингополучатель выплатил 99 % лизинговых платежей, он обязан вернуть предмет лизинга лизингодателю, но не вправе потребовать возврата уплаченных лизинговых платежей. Понятно, что лизингополучатель, по существу, не только вносил лизингодателю плату за пользование имуществом, но еще и постепенно выкупал предмет лизинга, и теперь он, почти полностью выкупив предмет лизинга, остается и без имущества, и без денег. Налицо явная несправедливость. Возможна несправедливость и в обратную сторону, особенно если расторжение договора выкупного лизинга произошло вскоре после его заключения, так как лизингодатель лишается возможности требовать от лизингополучателя внесения лизинговых платежей. Хотя у него остается в собственности предмет лизинга, это может оказаться слабым утешением: зачастую предмет лизинга — это малоликвидный товар с узким рынком сбыта, а лизингодателю реализовать его трудно еще и потому, что он не является специалистом в соответствующем данному товару сегменте рынка.

Данное противоречие было в значительной степени устранено в связи с принятием постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга»¹⁹. Суд констатировал кредитную

сущность договора выкупного лизинга: «Судам необходимо учитывать, что по общему правилу в договоре выкупного лизинга имущественный интерес лизингодателя заключается в размещении и последующем возврате с прибылью денежных средств, а имущественный интерес лизингополучателя — в приобретении предмета лизинга в собственность за счет средств, предоставленных лизингодателем, и при его содействии. Приобретение лизингодателем права собственности на предмет лизинга служит для него обеспечением обязательств лизингополучателя по уплате установленных договором платежей, а также гарантией возврата вложенного» (п. 2 постановления). Далее, в п. 3 подробно расписывается порядок вычисления сальдо встречных обязательств лизингодателя и лизингополучателя при досрочном расторжении договора, исходя из его кредитной природы.

В рассматриваемом постановлении Пленума ВАС РФ нет ссылок на притворность условий договора выкупного лизинга о лизинговых платежах. Однако суд с очевидностью исходил из того, что лизинговый платеж не является обычным арендным платежом, а включает в себя и иные экономические составляющие. Обе стороны договора явно понимают это и при определении размера лизинговых платежей исходят не из формального понимания лизингового платежа как арендной платы, а из его подлинного экономического содержания. Таким образом, стороны умышленно прикрыли под видом арендного платежа кредитное финансирование. Что это как не притворная сделка?

Здесь важно сделать следующую оговорку. Совершение притворной сделки однозначно ассоциируется у юристов с противоправным и недобросовестным поведением. В данном же случае стороны договора выкупного лизинга действовали без какого-либо злого умысла: они назвали арендным (лизинговым) платежом кредитное финансирование не с какими-либо недобросовестными целями, а вынужденно — ввиду того, что действующее отечественное гражданское законодательство предлагает им

¹⁹ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

не вполне отвечающую сложившейся хозяйственной практике форму договора.

Нельзя не отметить, что при составлении текста постановления Суд руководствовался общеправовым принципом справедливости, возможно в ущерб букве закона. Однако в российской, особенно дореволюционной, литературе подобный подход к судопроизводству неоднократно подвергался жесткой критике. Например, Г. Ф. Шершеневич писал: «В публике нередко слышатся пожелания, чтобы каждое дело решалось по справедливости, а не по букве закона. Но призывать на смену чувства законности чувство справедливости довольно опасно... Однако что одному кажется справедливым, то другому представляется вопиющим нарушением правды, и наоборот. Если вместо определенных правил мы подставим справедливость, то, может быть, в некоторых случаях это будет и хорошо, в других же это будет ужасно. Замена закона справедливостью, уничтожая порядок, внесла бы полную неопределенность в человеческие отношения»²⁰. И. А. Покровский указывал на неблагоприятные последствия практической реализации воззрений о возможности суда решать дела на основании общих представлений о справедливости: «...доктрины естественного права этим самым невольно для себя широко открывали дверь для судейского субъективизма и произвола. И результаты сказывались быстро. В обществе терялось доверие к судам и к юристам; их наделяли насмешливыми прозвищами “*juris periti*” вместо “*juris periti*”²¹, их обзывали софистами, шиканирующими правосудие, и т.д. Общество отворачивалось даже от самых понятий естественного права или справедливости и устремлялось в более грубую, но более надежную пристань положительного закона»²².

В современной литературе наблюдается обратная тенденция — решения судов, основанные не на букве, а на духе закона, оценива-

ются положительно. Так, А. С. Васильев высоко оценивает практику Верховного Суда РФ о признании за участниками долевого строительства права собственности на квартиры в недостроенном доме в случае банкротства застройщика: «Представляется, что подход Верховного Суда РФ является человечным, действительно правовым, он отбрасывает догматику, игнорирует “букву” закона и на первое место ставит действительно в высшей степени правовую категорию — справедливость. Зачем нужна догма права, зачем нужно позитивное право, если оно является инструментом причинения вреда его главному носителю»²³.

Трудно решить, какое мнение в этом вопросе более веско, так как аргументы в пользу любого из них весьма убедительны. Вероятно, здесь следует использовать принцип разумной золотой середины. При применении вышеназванного подхода, пытаюсь решить дело «по справедливости» для одних лиц, очень легко допустить несправедливость по отношению к другим лицам. Широко известным примером здесь является постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.02.2011 № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о залоге»²⁴, в п. 25 которого было введено правило о том, что если приобретатель заложенного имущества не знал и не должен был знать о залоге (добросовестный приобретатель), то залог прекращается. По состоянию на дату выхода постановления Пленума публичного реестра заложенного движимого имущества не существовало. Разъяснение Пленума не только явно противоречило ГК РФ, а именно — п. 1 ст. 353 в действовавшей на тот момент редакции, но и было спорным с точки зрения справедливости: пытаюсь решить коллизию в пользу добросовестного приобретателя, Пленум ВАС РФ существенно ухудшил положение залогодержателя, так как многие нечестные

²⁰ Шершеневич Г. Ф. О чувстве законности: публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г. / вводные замечания Ю. Н. Старилова. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2018. С. 27.

²¹ «Подлые правоведеы» вместо «искусные правоведеы» (лат.).

²² Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Изд. 3-е, стер. М. : Статут, 2001. С. 102.

²³ Васильев А. С. Мы — счастливейшее среднее арифметическое // Уральский журнал правовых исследований. 2019. № 1 (2). С. 55.

залогодатели, чтобы «очистить» вещь от залога, заключали фиктивные договоры купли-продажи заложенного имущества с доверенными лицами, которые якобы не знали о залоге. Доказать сговор залогодателя и покупателя в ходе судебного разбирательства было практически невозможно. Поэтому разъяснение Суда подверглось в литературе заслуженной критике со стороны ученых — как с формально-юридической (противоречие ГК РФ), так и с социально-экономической (отсутствие гарантий защиты залогодержателя) точки зрения²⁵.

Таким образом, судебное толкование, противоречащее букве закона, может являться обоюдоострым оружием, способным и принести много пользы, и причинить немало вреда. Поэтому его следует использовать с большой осторожностью, желательно используя одновременно и иные гражданско-правовые механизмы вроде вышеупомянутой переквалификации сделок.

Еще одним таким механизмом может послужить выявление действительной общей воли сторон договора в ущерб его буквальному толкованию. Как известно, ГК РФ в ст. 431 закрепляет безусловный приоритет буквального толкования договора, и только если буквальное толкование не позволяет определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. Подобный подход, в целом характерный как для современного, так и для более раннего отечественного законодательства, неоднократно подвергался критике еще с дореволюционных времен²⁶. По мнению современного автора А. К. Байрамкулова, «наиболее сбалансированным представляется подход немецких судов, согласно которому закрепляется презумпция буквального значения спорного условия, которая может быть опровергнута всеми допустимыми доказательствами.

Аналогичную презумпцию предлагается закрепить в российском праве на уровне разъяснений высших судебных инстанций»²⁷.

В некоторых случаях приоритет буквального толкования договора над толкованием, основанным на выявлении действительной общей воли сторон, закрепленный в ст. 431 ГК РФ, не реализуется. Например, излишне последовательное применение указанного приоритета сделало бы в принципе невозможной квалификацию той или иной сделки как притворной — ведь сам механизм такой квалификации как раз предполагает, что в первую очередь во внимание принимается действительная общая воля сторон, а не буквальное толкование условий договора. Думается, что и в проанализированном выше постановлении от 14.03.2014 № 17 Пленум ВАС РФ отдал предпочтение действительной общей воле сторон договора выкупного лизинга, а не буквальному толкованию.

Итак, тремя механизмами разрешения коллизии между юридической формой и экономическим содержанием сделки являются: переквалификация договора в целом или его отдельных условий по правилам о притворных сделках, прямое применение общеправового принципа справедливости и приоритет выявления действительной общей воли сторон над буквальным толкованием договора.

В заключение рассмотрим вопрос о пределах использования указанных механизмов. В постановлении от 14.03.2014 № 17 Пленум ВАС РФ фактически переквалифицировал только условия договора выкупного лизинга о выкупных платежах как фактически прикрывающие кредитное финансирование. Не следует ли в таком случае признать притворной сделкой договор выкупного лизинга в целом?

Думается, что на этот вопрос следует ответить отрицательно. Выше уже отмечалось, что,

²⁴ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.02.2011 № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о залоге» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 4.

²⁵ См.: Микрюков В. А. О судьбе залогового обременения при отчуждении предмета залога // Законодательство и экономика. 2012. № 8. С. 28.

²⁶ См., например: Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. С. 314–315.

²⁷ Байрамкулов А. К. Особенности толкования договора в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 14.

руководствуясь принципами диспозитивности и свободы договора, участники экономических отношений могут прийти к похожим хозяйственным результатам, используя различные правовые конструкции и разные виды договоров, совершая выбор в пользу той или иной разновидности договора исходя из достоинств и недостатков каждой из них. В случае с выкупным лизингом стороны избрали именно этот договор, а не, скажем, кредитный, потому что усматривали в нем некие преимущества. Воля сторон была направлена не только на получение итогового хозяйственного результата, но и на согласование определенного способа его достижения (юридической формы). Данная форма не соответствует воле сторон в части структуры лизинговых платежей (формально это платежи за пользование имуществом, в действительности же это кредитное финансирование), поэтому в этом конкретном случае переквалификация допустима. Во всем же прочем выбор сторонами юридической формы лизинга полностью соответствовал их согласованной общей воле, поэтому в целом договор лизинга переквалифицировать в кредитный не следует. В. В. Витрянский отмечает: «Сегодня нередко встречаются ситуации, когда, столкнувшись с договором, не предусмотренным законом или иными правовыми актами (непоименованным договором), суды при рассмотрении соответствующих споров в силу аналогии закона (а как иначе?) применяют к указанным договорам правила о сходных договорах, урегулированных законодательством, в ущерб условиям самого непоименованного договора»²⁸. Настороженное отношение отечественных судов к непоименованным договорам отмечают и другие авторитетные исследователи: по мнению А. Г. Карапетова и А. И. Савельева, «интенсивность, с которой рос-

сийские суды иногда втискивают нестандартное соглашение сторон в некое “прокрустово ложе” поименованных договорных моделей, оказывается часто неоправданно высокой»²⁹. Поэтому в стремлении переквалифицировать договор в соответствии с действительной волей сторон очень легко вынести решение, как раз противоречащее этой самой воле. Напротив, следует исходить из того, что раз стороны заключили договор лизинга, значит, они по каким-то причинам хотели воспользоваться именно такой юридической конструкцией.

Сказанное можно пояснить на следующем примере. С. А. Громов выражает недовольство сложившейся правоприменительной практикой по делам о банкротстве, при которой залоговый кредитор в определенных случаях имеет преимущество по сравнению с кредитором-лизингодателем, что, по мнению автора, нарушает конституционный принцип равенства³⁰. С такой точкой зрения трудно согласиться ввиду следующего. Приоритет экономического содержания над юридической формой договора должен использоваться только в тех случаях, когда правоприменителем на основании анализа согласованной общей воли сторон будет установлено, что содержание договора его форме не соответствует, например в случае с лизинговыми платежами, которые не являются в чистом виде арендной платой. Если же содержание форме соответствует, то никаких причин игнорировать форму нет. Например, нельзя пытаться уравнять правовой статус кредитора-лизингодателя и залогового кредитора в случае банкротства должника, апеллируя к необходимости соблюдения принципа равноправия: ведь сторонам ничего не мешало вместо договора лизинга заключить договор купли-продажи с условиями о рассрочке платежа и об установлении залога

²⁸ Витрянский В. В. Общие положения о договоре // Кодификация российского частного права — 2019 / под ред. Д. А. Медведева. М. : Статут, 2019. С. 106.

²⁹ Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы. М. : Статут, 2012. Т. 2 : Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. С. 160.

³⁰ См.: Громов С. А. Общее сальдо встречных обязательств по нескольким договорам лизинга при банкротстве лизингополучателя. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 02.05.2017 № 305-ЭС16-20304 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 5. С. 13.

проданной вещи в пользу продавца (правда, в таком случае вещь находилась бы, в отличие от договора лизинга, в собственности покупателя). Раз стороны выразили свою волю на заключение именно договора лизинга, значит, они добровольно взяли на себя все риски, вызванные выбором данной договорной конструкции.

Подытоживая вышесказанное, можно отметить следующее. Философ А. Г. Спиркин пишет: «Изменение обычно начинается с содержания. Форма, соответствующая содержанию, способствует, ускоряет развитие содержания. В ходе развития содержания неизбежен период, когда старая форма перестает соответствовать изменившемуся содержанию и начинает тормозить его дальнейшее развитие. Наступает конфликт между формой и содержанием, который разрешается путем ломки устаревшей формы и возникновения формы, соответствующей новому

содержанию»³¹. На примере договора выкупного лизинга продемонстрировано, как развитие экономического содержания договора приводит к определенным несоответствиям формы и содержания. Правоприменитель располагает некоторыми правовыми механизмами для устранения данного противоречия, рассмотренными выше. Важную роль в разрешении этой коллизии может и должен играть законодатель, вовремя внося необходимые коррективы в ГК РФ и иные законодательные акты. Вместе с тем очевидно, что возможности законодателя также ограничены: невозможно менять закон на каждый случай появления каждого нестандартного договора. Поэтому важно последовательно претворять в жизнь принцип свободы договора, позволяющий создавать новые юридические формы для нового экономического содержания отношений хозяйствующих субъектов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абдульмянов И. М.* Правовая природа договора лизинга // *Право и политика.* — 2006. — № 6. — С. 142–147.
2. *Байрамкулов А. К.* Особенности толкования договора в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2015. — 27 с.
3. *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. — М. : Статут, 2000. — 800 с.
4. *Васильев А. С.* Мы — счастливейшее среднее арифметическое // *Уральский журнал правовых исследований.* — 2019. — № 1 (2). — С. 45–63.
5. *Витрянский В. В.* Общие положения о договоре // *Кодификация российского частного права* — 2019 / под ред. Д. А. Медведева. — М. : Статут, 2019. — С. 97–150.
6. *Гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало.* — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2017. — Т. 2. — 543 с.
7. *Громов С. А.* Коренной поворот в практике применения законодательства о лизинговой деятельности // *Вестник ВАС РФ.* — 2011. — № 11. — С. 74–104 ; № 12. — С. 113–155.
8. *Громов С. А.* Обеспечительная собственность: догматический очерк на примере лизинга // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации.* — 2019. — № 2. — С. 51–114 ; № 3. — С. 66–123 ; № 4. — С. 46–91.
9. *Громов С. А.* Общее сальдо встречных обязательств по нескольким договорам лизинга при банкротстве лизингополучателя. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 02.05.2017 № 305-ЭС16-20304 // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации.* — 2017. — № 5. — С. 9–14.
10. *Егоров А. В.* Лизинг: аренда или финансирование? // *Вестник ВАС РФ.* — 2012. — № 3. — С. 36–60.

³¹ *Спиркин А. Г.* Указ. соч. С. 277.

11. *Егоров А. В.* Тезисы вводного доклада на круглом столе «Лизинговая операция: как распутать клубок противоречий» (2 февраля 2012 г.) // URL: https://m-logos.ru/img/Tezisi%20Egorova_02.02.12.docx (дата обращения: 28.07.2020).
12. *Карпетов А. Г., Савельев А. И.* Свобода договора и ее пределы. — М. : Статут, 2012. — Т. 2 : Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. — 453 с.
13. *Лейба А.* Риски договора лизинга // ЭЖ-Юрист. — 2014. — № 43.
14. *Мельникова Ю. В.* Недействительность (ничтожность) мнимых и притворных сделок и их правовые последствия // Российский судья. — 2014. — № 11. — С. 7–12.
15. *Микрюков В. А.* О судьбе залогового обременения при отчуждении предмета залога // Законодательство и экономика. — 2012. — № 8. — С. 23–29.
16. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карпетов. — М. : М-Логос, 2020. — 1469 с.
17. *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. — Изд. 3-е, стер. — М. : Статут, 2001. — 354 с.
18. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. — 3-е изд., стер. — М. : Статут, 2013. — Т. 1. — 958 с.
19. *Спиркин А. Г.* Философия : учебник. — 2-е изд. — М. : Гардарики, 2005. — 736 с.
20. *Тепкина А. В.* Договор лизинга как вид аренды или обеспечительной сделки // Юрист. — 2012. — № 15. — С. 33–37.
21. *Тютин Д. В.* Налоговое право : курс лекций // СПС «КонсультантПлюс», 2017.
22. *Шершеневич Г. Ф.* О чувстве законности: публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г. / вводные замечания Ю. Н. Старилова. — Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2018. — 36 с.
23. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.) — М., Спарк, 1995. — 556 с.

Материал поступил в редакцию 28 июля 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Abdul'myanov I. M. Pravovaya priroda dogovora lizinga // Pravo i politika. — 2006. — № 6. — S. 142–147.
2. Bajramkulov A. K. Osobennosti tolkovaniya dogovora v rossijskom grazhdanskom prave : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2015. — 27 s.
3. Braginskij M. I., Vitryanskij V. V. Dogovornoe pravo. Kniga vtoraya: Dogovory o peredache imushchestva — M. : Statut, 2000. — 800 s.
4. Vasil'ev A. S. My — schastlivejshee srednee arifmeticheskoe // Ural'skij zhurnal pravovyh issledovanij. — 2019. — № 1 (2). — S. 45–63.
5. Vitryanskij V. V. Obshchie polozheniya o dogovore // Kodifikaciya rossijskogo chastnogo prava — 2019 / pod red. D. A. Medvedeva — M. : Statut, 2019. — S. 97–150.
6. Grazhdanskoe pravo : uchebnik : v 2 t. / pod red. B. M. Gongalo. — 2-e izd., pererab. i dop. — M. : Statut, 2017. — T. 2. — 543 s.
7. Gromov S. A. Korennoj povorot v praktike primeneniya zakonodatel'stva o lizingovoj deyatel'nosti // Vestnik VAS RF. — 2011. — № 11. — S. 74–104 ; № 12. — S. 113–155.
8. Gromov S. A. Obespechitel'naya sobstvennost': dogmaticeskij ocherk na primere lizinga // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. — 2019. — № 2. — S. 51–114 ; № 3. — S. 66–123 ; № 4. — S. 46–91.
9. Gromov S. A. Obshchee sal'do vstrechnyh obyazatel'stv po neskol'kim dogovoram lizinga pri bankrotstve lizingopoluchatelya. Kommentarij k opredeleniyu Sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam VS RF ot

- 02.05.2017 № 305-ES16-20304 // *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii*. — 2017. — № 5. — С. 9–14.
10. Egorov A. V. Lizing: аренда или финансирование? // *Vestnik VAS RF*. — 2012. — № 3. — С. 36–60.
11. Egorov A. V. Tezisy vvodnogo doklada na kruglom stole «Lizingovaya operaciya: kak rasputat' klubok protivorechij» (2 fevralya 2012 g.) // URL: https://m-logos.ru/img/Tezisi%20Egorova_02.02.12.docx (data obrashcheniya: 28.07.2020).
12. Karapetov A. G., Savel'ev A. I. Svoboda dogovora i ee predely. — M. : Statut, 2012. — T. 2 : Predely svobody opredeleniya uslovij dogovora v zarubezhnom i rossijskom prave. — 453 s.
13. Lejba A. Riski dogovora lizinga // *EZh-Yurist*. — 2014. — № 43.
14. Mel'nikova Yu. V. Nedejstvitel'nost' (nichtozhnost') mnimyh i pritvornyh sdelok i ih pravovye posledstviya // *Rossijskij sud'ya*. — 2014. — № 11. — С. 7–12.
15. Mikryukov V. A. O sud'be zalogovogo obremeneniya pri otchuzhdenii predmeta zaloga // *Zakonodatel'stvo i ekonomika*. — 2012. — № 8. — С. 23–29.
16. Osnovnye polozheniya grazhdanskogo prava: postatejnyj kommentarij k stat'yam 1–16.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii / otv. red. A. G. Karapetov. — M. : M-Logos, 2020. — 1469 s.
17. Pokrovskij I. A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. — Izd. 3-e, ster. — M. : Statut, 2001. — 354 s.
18. Rossijskoe grazhdanskoe pravo : uchebnik : v 2 t. / otv. red. E. A. Suhanov. — 3-e izd., ster. — M. : Statut, 2013. — T. 1. — 958 s.
19. Spirkin A. G. Filosofiya : uchebnik. — 2-e izd. — M. : Gardariki, 2005. — 736 s.
20. Tepkina A. V. Dogovor lizinga kak vid arendy ili obespechitel'noj sdelki // *Yurist*. — 2012. — № 15. — С. 33–37.
21. Tyutin D. V. Nalogovoe pravo : kurs lekcij // SPS «Konsul'tantPlyus», 2017.
22. Shershenevich G. F. O chuvstve zakonnosti: publichnaya lekcija, chitannaya 10 marta 1897 g. / vvodnye zamechaniya Yu. N. Starilova. — Voronezh : Izdatel'skij dom VGU, 2018. — 36 s.
23. Shershenevich G. F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava (po izd. 1907 g.) — M., Spark, 1995. — 556 s.